

В тот день исполнялось ровно три года с момента их свадьбы.

К вечеру Бай Хэби суетился на кухне, колдуя над праздничным ужином для Сы Циншуня.

У Циншуня был въедливый, невероятно придирчивый вкус: помимо изысканных блюд от шеф-поваров элитных ресторанов, по-настоящему он признавал только то, что готовил Хэби.

«В твоей стряпне есть то самое, родное ощущение дома», — любил повторять Сы Циншунь в те дни, когда их роман только набирал обороты.

Хэби тогда изо всех сил изображал сдержанную невозмутимость, но от этих сладких слов сердце замирало, а в душе расцветала нежность. После каждого ужина он тайком замечал, к каким тарелкам Циншунь притрагивался меньше всего, чтобы в следующий раз довести рецепт до совершенства.

Сейчас, оглядываясь назад, Хэби понимал: то время было, пожалуй, самым счастливым за весь их брак.

Позже, когда первая страсть улеглась, на поверхность постепенно выплыли бытовые трения и неизбежные противоречия. Их чувства стали напоминать мелеющий в засуху ручей: вода ушла, обнажив острое каменистое дно, шагнуть на которое означало изрезать ноги в кровь.

Оба выросли, у каждого развивалась собственная карьера. Хэби с головой ушел в дела «Байши», выбивая у отца право управлять холдингом, и сплошь и рядом задерживался в офисе до глубокой ночи. Циншунь, хоть и принял под крыло большую часть бизнеса своего отца, Сы Шана, разрывался между командировками: чтобы укрепить позиции в совете директоров, ему приходилось непрерывно колесить по стране, уезжая на месяц-другой.

Из-за дикого рабочего ритма они виделись катастрофически редко.

Когда у Бай Хэби выдавалась свободная минута, Сы Циншунь улетал на очередные переговоры. Когда же отдых выпадал Циншуню, Хэби возвращался домой лишь под утро. Но даже в те редкие вечера, когда оба оказывались дома, накопившаяся за день усталость давила на плечи невидимым грузом, отнимая силы даже на простую нежность. Единственной передышкой оставались разве что новогодние праздники.

И все же Хэби бесконечно дорожил этими редкими мгновениями единения.

Он кропотливо сверял их рабочие графики, выискивая свободные дни, и среди лавины дел ухитрялся устраивать для мужа маленькие сюрпризы: заказывал его любимые розы, дарил редкие книги или тщательно подобранные аксессуары, идеально подчеркивавшие стиль Циншуня. Циншунь тоже старался поддерживать романтическую искру и время от времени увозил Хэби в небольшие путешествия, где они могли побыть вдвоем.

Однако в последнее время рядом с мужем Хэби все чаще охватывало странное, тревожное чувство.

Командировки Циншуня стали неадекватно частыми, а иногда затягивались на три-четыре месяца. Близость между ними сошла на нет, прикосновения стали натянутыми и сухими. Оставаясь наедине, Хэби остро чувствовал: Циншунь витает где-то далеко.

Хэби списывал это на колоссальное напряжение: бизнес мужа стремительно рос, и груз ответственности мог выбить из колеи кого угодно.

Он не придавал этим мелочам значения — тем более что и его собственная карьера переживала решающий перелом, не оставляя времени на смутные подозрения.

Лишь однажды он попытался спросить напрямую.

Сидя напротив мужа за ужином, Хэби тихо поинтересовался:

— Что с тобой происходит в последнее время? Ты сам не свой. На работе проблемы? Я могу чем-то помочь?

Циншунь лишь слегка вильнул уголками губ в подобии улыбки:

— Я сам со всем справлюсь, не переживай.

— Не бери на себя слишком много, — Хэби сжал его ладонь, пытаясь передать хотя бы каплю своего тепла.

— Угу, — отозвался Циншунь, опустив взгляд на их переплетенные пальцы. Выражение его глаз скрыла тень.

И все же чутье — или слишком глубокое знание характера мужа — подсказывало Хэби: что-то отравлено в самой своей сути. словно в желейной конфете с начинкой поддалась сердцевина, и никто не ведал, не скисла ли она, пока не разкусишь.

Но из уважения и любви к Циншуню он не стал копать глубже. Каждому человеку необходимо личное пространство — и мужу, и ему самому.

Поэтому Хэби сознательно отступил на шаг, давая им обоим время привести в порядок перегруженную жизнь, чтобы потом встретиться вновь — обновленными и свободными от стресса.

Так они и дожили до третьей годовщины. Вот только заглушенная проблема не исчезла — она натянулась, как струна, готовая лопнуть и сработать детонатором.

Вечер обещал быть самым обычным.

В последнее время Циншунь пристрастился к рыбе, поэтому Хэби съездил на рынок за свежим судаком для остро-кислого супа. Он специально ушел из офиса в обед, чтобы успеть приготовить свиные ребрышки в кисло-сладком соусе, «Будда прыгает через стену» и легкий гарнир из зелени.

Кроме того, он своими руками испек двухъярусный бисквитный торт и забронировал пару эксклюзивных колец с бриллиантами, чтобы отпраздновать трехлетие их союза.

И грядущее истечение срока брачного договора.

Этот пятилетний контракт, подписанный перед свадьбой, давно тяготил Хэби, и он исподволь готовился к его отмене.

Пока Циншунь был в разъездах, Хэби тайком записался на курсы кондитеров и выкраивал часы между правительственными совещаниями, чтобы научиться печь.

Он в секрете от мужа заказывал уникальные кольца, целые недели до часа-двух ночи согласовывая с ювелиром мельчайшие детали эскиза. Из-за этих поздних бдений они даже пару раз вздорили перед сном.

«Интересно, как он отреагирует, когда узнает, что я делал всё это сам?..»

Погладив бархатную коробочку в кармане, Хэби с нежной улыбкой представил изумленное и счастливое лицо Циншуня.

Ужин был готов еще к девяти вечера. Разделявая рыбу, Хэби глубоко порезал указательный палец, но лишь мельком обработал рану и сел за стол, разгребая рабочую почту в телефоне.

Однако стрелка часов перевалила за одиннадцать, а Циншунь так и не появился.

Хэби знал его расписание: у мужа была важная деловая встреча вне офиса, требующая личного присутствия, но она должна была завершиться максимум к девяти.

В памяти всплыла утренняя размолвка.

«Неужели он все еще злится?» — Хэби тяжело вздохнул.

Утром, желая сохранить сюрприз в тайне, он слегка поторопил Циншуня с выходом из дома. Но муж истолковал эту суету по-своему — будто Хэби мечтает поскорее от него избавиться, — вспылil и ушел, даже не притронувшись к завтраку.

Сам Хэби в последнее время тоже валился с ног от усталости, а потому затаил досаду и не стал перезванивать первым. Лишь к обеду, погрузившись в кулинарные хлопоты, он окончательно остыл.

План был прост и безупречен.

Сначала — сытный ужин. Затем — домашний торт. А под конец — коробочка с кольцами и предложение начать все с чистого листа, без всяких контрактов. Ну разве после такого можно дуться?

Вот только он никак не ожидал, что Циншунь задержится до полуночи.

Или тот до сих пор дует за вчерашнее?

Или... что-то случилось?

Глядя на остывшие блюда, на пленку белого жира, затянувшую бульон, Хэби почувствовал, как к горлу подступает липкая тревога.

Он не знал, успел ли Циншунь поужинать, но в любом случае мог бы заскочить в ресторан. Впрочем, домашний торт в красивой коробке вполне сгодился бы как знак примирения за утреннюю глупость.

Приняв решение, Хэби быстро переоделся, взял торт и спустился в гараж. Им владело одно желание — незамедлительно увидеть мужа, убедиться, что с ним все в порядке, и первым поздравить его с их днем.

— Только бы ничего не случилось, — прошептал он, заставляя себя дышать ровнее.

Он едва успел сесть за руль, как экран смартфона вспыхнул.

Пришло новое письмо.

Хэби нахмурился, вчитываясь в служебные заголовки. Ни имени отправителя, ни обратного адреса — зашифрованный цифровой след.

Странно. Кто и зачем пишет ему в такой час?

Сглотнув подозрения, он открыл письмо.

Внутри вложения обнаружился единственный аудиофайл, названный строгой датой.

Убедившись, что файл не содержит вирусов, Хэби нажал на проигрыватель.

Динамики отозвались оглушительным грохотом тяжелого рока и гулом пьяной толпы. Судя по акустике, запись велась в каком-то шумном баре.

— Ха, да кто он вообще такой, этот ваш Бай Хэби? — раздался из динамика знакомый, чуть развязный голос, пропитанный ядовитой насмешкой.

Это был Сы Циншунь.

— Господин Сы, услышь вас сейчас супруг... закатает же скандал... — попытался предостеречь его другой голос, неприятно-сиплый, подхалимский. Но эта реплика лишь подлила масла в огонь.

Хэби вцепился в телефон, отказываясь верить собственным ушам.

Это голос Циншуня? Откуда в нем столько пренебрежения?

Но за годы совместной жизни он выучил каждую интонацию мужа. Ошибки быть не могло.

Хэби поставил запись на паузу. Пальцы дрожали, когда он вчитывался в название файла:

`24/07/11\_18:34-9:05.mp4`

Дата создания совпадала — одиннадцатое июля этого года. Прошло почти четыре месяца.

Хэби напрягнулся, вспоминал тот день. Да, Циншунь тогда действительно не ночевал дома — сказал, что застрял на затянувшихся переговорах. Сам Хэби в ту ночь тоже допоздна засиделся в штаб-квартире «Байши» и, чтобы не будить мужа под утро, остался спать в кабинете на диване.

Желая окончательно удостовериться, Хэби открыл электронный календарь и нашел запись за одиннадцатое июля.

Все сходилось.

`[Сы: совещание в 20:00. Бай: аврал, ночная смена.]`

Чуть ниже алела его собственная заметка: `[Не ночевал дома. Завтра нужно купить Циншуню букет его любимых цветов, чтобы загладить вину.]`

Хэби смотрел на строчки календаря, и ледяная волна ужаса медленно катилась по его спине.

Кто сделал эту запись?

Почему ее прислали именно сейчас? Шантаж? Вымогательство?

И главное... почему Циншунь, уверявший, что сидит на совещании, пил в баре?

Разум требовал переслать файл специалистам по безопасности, но лихорадочное любопытство уже отравило кровь.

Хэби ослабил ремень безопасности, горло сдавило сухим спазмом.

... Прежде чем отдавать запись детективам, он должен дослушать ее до конца. Должен знать.

Его палец долго зависал над треугольником воспроизведения. В глубине души росла липкая уверенность: стоит нажать кнопку — и его мир рухнет.

И все же, когда экран начал гаснуть, он кликнул по значку.

Салон машины вновь заполнил кабак: звон стаканов, выкрики, а затем — сиплый голос Циншуня, отвечающий собутыльнику:

— Да я был бы счастлив, устрой он хотя бы одну сцену! Это хоть означало бы, что ему не все равно! — Раздался резкий щелчок открываемой пивной бутылки. — А он? Смотрит на меня своими вечно холодными глазами! В последнее время вообще с катушек съехал: работа, работа, бизнес на первом месте... Мы как два чужих человека живущие под одной крышей!

— Я для него просто собака, — Циншунь горько усмехнулся, судя по звуку, сделав глубокий глоток. — Позовет — прибегу, прогонит — уйду. Да какая собака, хуже!

У Хэби похолодели кончики пальцев.

... Но ведь они всегда заранее утверждали рабочие графики друг друга!

Собутыльник продолжал угодливо поддакивать:

— Ну что вы, господин Сы, не наговаривайте. Братец Бай к вам со всей душой, мы же со стороны видим, завидуем даже...

— Херня! — рявкнул Циншунь.

Собеседник мгновенно приткнулся.

— Знаешь, сколько мы вместе? И все эти годы только я один вкладываюсь в эти отношения! А он? — Циншунь издал желчный смешок. — Зажал ничтожную косточку и ждет, пока я буду перед ним вилять хвостом! Он кто вообще такой? За три года брака я ему каждый день в любви признаюсь, а он мне хоть раз сказал хотя бы «ты мне нравишься»?

Снова раздался звук глотка.

— До свадьбы я бегал за ним как проклятый, а он только принимал ухаживания и пальцем не пошевелил! Ладно, сам дурак, сам унижался. Но после свадьбы? Как можно... да он даже в постели не способен выдавить «люблю тебя»!

Хэби откинулся на подголовник. Голова шла кругом, перед глазамиплыли серые пятна. Он никогда не думал, что в глазах партнера выглядит эгоистичным сухарем.

Он искренне верил, что любовь доказывается делами, а слова — лишь дешевая мишура. Но человек, с которым он делил постель, считал иначе.

А запись крутилась дальше.

— И какая это, к черту, любовь? — Циншунь явно захмелел, его речь стала вязкой, заплетающейся. — Лицемерит каждый день, а сам давно от меня устал. Мечтает свалить к кому-то другому... Ты посмотри, кто вокруг него вьется! Никто меня ни во что не ставит. Работа у него на первом месте, а я — на последнем. Даже наш брак я у него вымолил! А сам он что сделал для наших отношений?

«Ничего не сделал...» — эхом отозвалось в голове Хэби. Все его поступки, все жертвы и забота в глазах Циншуна были пустым местом.

Дрожащей рукой Хэби попытался сбросить звонок, но пьяный голос мужа продолжал втаптывать его чувства в грязь:

— Почти четыре года вместе... А он даже не улыбнется мне толком! И в постели то же самое... Прежние мои любовники такие рулады выводили, старались ублажить, а с этим... ни ласкового слова, ни стона! Я один из кожи вон лезу, чтобы ему угодить!

Щеки Хэби вспыхнули. Лицо онемело, словно по коже засновали тысячи ядовитых муравьев.

Он... его только что сравнили с прошлыми любовниками?

Раньше Хэби убеждал себя, что его не волнуют прошлые связи мужа. Прошное должно оставаться в прошлом. Но глубоко внутри все равно сидела заноза. Он заглушал ревность, желая казаться взрослой, зрелой личностью. Он верил, что глубокие чувства не требуют громких слов — они доказываются поступками, заботой, ежедневным трудом.

И вот теперь Циншунь собственной рукой вогнал эту занозу ему прямо в сердце. По самый черенок.

Перед глазами все поплыло. Хэби внезапно понял, что совершенно не знает человека, с которым спал в одной кровати.

— Знай я заранее, взял бы кого попроще... Кого-то, кто меня действительно любит. Чем вот так задыхаться каждый день перед этой опостылевшей физиономией... До тошноты доходит.

Шорох, треск статиков — запись оборвалась.

Худшее из опасений сбылось.

Хэби обмяк в кресле, словно кукла с перерезанными нитями. Бархатная коробочка в кармане въелась в грудь тупой, физической болью.

Он слепо уставился в потолок автомобиля.

«Тише... Надо успокоиться...» — Хэби судорожно зашарил руками по панели, пытаясь вставить ключ в замок зажигания, но пальцы не слушались, ключ соскальзывал.

«Это подделка. Запись сфабрикована. Нарезка голоса, ИИ-монтаж...» — как заведенный, повторял он про себя, пытаясь удержать рушащийся мир.

Он ведь помнил: в расписании Циншуня на этот вечер значились переговоры в отеле «Ихэ».

Нервы Хэби натянулись до предела.

После десятой попытки двигатель наконец зарычал.

— Мне нужно увидеть его... Поговорить лично... — пробормотал он в пустоту.

Нарушая правила и едва не проскакивая на красный свет, Хэби доехал до отеля «Ихэ».

По дороге он сделал с десяток звонков подчиненным Циншуня и вытянул номер забронированного для босса номера. Оформив на ресепшене гостевую карту, он поднялся на нужный этаж.

Шаги давались с трудом. Вот и дверь — номер 1306.

Хэби замер перед дверью, не решаясь поднять руку к звонку.

Проходивший по коридору постоялец подозрительно оглянулся на него, но Хэби было плевать.

Его охватил животный страх. Страх узнать, что пьяная брань на записи — правда.

Но в нем еще жил азарт отчаявшегося игрока. Хэби до последнего надеялся, что за этой дверью никого нет. Что у Циншуня просто сел телефон, и он уже мчит домой.

Хэби уткнулся пальцем в кнопку.

Динь-дон.

Приговор был приведен в исполнение.

Дверь открыл незнакомый молодой парень. Он был полуголый, поглаживал обнаженный торс, усыпанный свежими засосами, и смутно — чертами лица, разрезом глаз — походил на самого Хэби.

— Вы к кому? — хлопая ресницами, поинтересовался юноша.

— Скажите... Сы Циншунь здесь? — Хэби вцепился в косяк, чувствуя, что ноги вот-вот подогнутся.

Парень смерил его быстрым взглядом и легко ответил:

— Нет никакого Сы. Я один этот номер снял.

Хэби выдохнул. Пальцы на дверной раме разжались.

Запись — фальшивка. Циншунь просто задерживается в офисе.

— Простите, я перепутал, — с трудом проговорил он, пытаясь сохранить лицо.

— Бывает. Всего доброго, — парень стал закрывать дверь.

Хэби шагнул назад, готовый уйти. Но в самую последнюю секунду, перед тем как щелкнул замок, он случайно бросил взгляд в щель.

Свозь узкий проем между дверью и косяком он увидел разобранную кровать.

И лежащего на измятых простынях голого мужчину.

Сы Циншуня.

Хэби прислонился к холодной стене. В отражении ручки он увидел свое лицо — мокрое от слез, искаженное судорогой.

Как жалко он, должно быть, выглядит.

Пока он ждал мужа дома, готовил праздничный ужин и сдувал пылинки с сюрприза, тот кувыркался в отеле с купленным мальчиком из эскорта.

Вот она — его «любовь».

Какая злая ирония.

В глазах у Хэби потемнело. Дыхание перехватило, воздух не поступал в легкие. Он вытащил из кармана бархатную шкатулку и с силой вжал пальцы в обручальные кольца.

Острый край ювелирного ложа рассек кожу. На рубиновый бархат и выгравированные инициалы капнула густая, темно-красная кровь.

Он даже не заметил боли. Глаза Хэби зафиксировали торт, который он все еще сжимал в другой руке. От тряски в машине и жары двухъярусный шедевр поплыл.

Кремовая надпись «С трехлетием брака», которую он так вырисовывал, превратилась в грязно-коричневое месиво. Ничего уже нельзя было разобрать.

Хэби разжал пальцы.

Торт с глухим стуком рухнул на ковровое покрытие. Коробка поддалась, шелковый бант распустился, и жирные сливки выплеснулись наружу, измазав носки его туфель.

Торт был испорчен. И больше никому не нужен.

<http://bllate.org/book/20379/2121824>